

УДК 343.2/.7

Уголовная ответственность за создание преступной организации и участие в ней: проблемные вопросы

Кецба Теймураз Вахтангович

Аспирант,
кафедра уголовного права и криминологии,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1;
e-mail: tim_ketsba@mail.ru

Аннотация

Наиболее актуальным и обсуждаемым в литературе остается вопрос о дифференциации понятий преступное сообщество и преступная организация, а также вопросов отграничения их организации со смежными составами преступлений. В рамках анализа положений статей 210, 205.4, 205.5, 208, 209, 239, 282.1 и 282.2 УК РФ показаны общие и отличительные признаки соответствующих преступлений. Предложена унификация норм о преступном сообществе с приведением его признаков в части 4 ст. 35 УК РФ, конкретных деяний («создание», «координация» и пр.) в ст. 210 УК РФ. Ввиду отсутствия определенности в наименовании преступного объединения и употребление в качестве синонимов понятий «сообщество» и «организация» предложено их дифференцировать, оставив в уголовном законе лишь организацию, которая создана для четко определенной цели, планируема, управляема, структурирована, построена на началах дисциплины. В то же время «сообщество» в большей степени доктринальное понятие, означающее «рыхлое» объединение разных субъектов, имеющих лишь общие интересы. Указаны противоречия, возникшие при дополнении в 2013 году УК РФ ст. 205.4 и 205.5, при котором законодатель не учел положение ст. 35 УК РФ, где указана цель преступной организации – извлечение в любой форме финансовой либо иной материальной выгоды, что не соотносимо с целью преступлений, предусмотренных в ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, так как, например, террористические сообщества (организации) могут и не стремиться к материальной выгоде.

Для цитирования в научных исследованиях

Кецба Т.В. Уголовная ответственность за создание преступной организации и участие в ней: проблемные вопросы // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 3А. С. 251-261.

Ключевые слова

Преступное сообщество, преступная организация, соучастие, преступная иерархия, вор в законе, организованная группа.

Введение

Общепризнано, что преступные сообщества и преступные организации это наиболее опасная форма организованной преступности, своеобразное «государство в государстве». Соответственно, выявление, раскрытие и расследование преступлений, ими совершенных, привлечение к ответственности виновных лиц остается приоритетом правоохранительной деятельности. В то же время на практике при выявлении деяний, подпадающих под признаки ст. 210 УК РФ (№ 63-ФЗ от 13.06.1996), правоприменитель, как правило, сталкивается с целым комплексом проблем. С одной стороны, преступные сообщества и организации обычно сплочены и организованы, хорошо оснащены, имеют денежные средства и коррупционные связи. Все это существенно осложняет работу правоохранительных органов. С другой стороны, по наблюдениям многих российских авторов, сам понятийный аппарат указанного состава, «мягко говоря, находится в недоработанном состоянии» [Рязанов, 2014, 234]. Речь идет о законодательных пробелах, наличии абстрактных и оценочных определений. Все это не может не исказить квалификацию преступных действий, что идет «на пользу» преступникам.

Основные дискуссионные вопросы и их разрешение

Действующий уголовный закон (часть 4 ст. 35 УК РФ) признает преступление совершенным преступным сообществом (преступной организацией), когда оно совершено структурированной организованной группой либо объединением таких групп, имеющими общее руководство. При этом члены указанных групп должны действовать сообща для совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений с целью опять же совместного извлечения (в прямой или косвенной форме) финансовой либо иной материальной выгоды.

Исходя из положений ст. 210 УК РФ криминализованы: создание преступного сообщества (организации) для совершения тяжких либо особо тяжких преступлений; руководство указанным сообществом (организацией) либо ее подразделениями; координация преступных действий, налаживание устойчивых связей между самостоятельными организованными группами; планирование и создание необходимых условий для преступной деятельности; раздел сфер преступного влияния и соответствующих доходов между группами; совершенные лицом с использованием личного влияния на членов организованных групп, а также участие как организатора, лидера или представителя таких групп для совершения преступлений.

Закон в данном случае не вполне конкретен, не содержит четких, непротиворечивых определений, как и признаков и критериев, традиционно необходимых для квалификации. Более того, понятия преступного сообщества (преступной организации) разнятся в Общей и Особенной части УК РФ, а в ст. 210 содержатся не раскрытые и по сути оценочные понятия: «создание устойчивых связей», «структурные подразделения», «координация» и др. Как видно, требуется унификация норм о преступном сообществе, признаки которого приведены в части 4 ст. 35 УК РФ, тогда как в ст. 210 УК РФ целесообразно ограничиться конкретными деяниями, например, теми же «созданием», «координацией» и др. Собственно, об этом уже давно идет речь в литературе [Мордовец, 2001, 41; Рязанов, 2014, 235]. Также нет четкой определенности с наименованием преступного объединения, так как понятия «сообщество» и «организация», по сути, объединены, хотя их вряд ли можно считать синонимами. Очевидно, что «организация» более структурирована, создана для определенной «уставной» цели, ее деятельность планируется, организована на началах распорядка и дисциплины. В то же время «сообщество» – это лишь объединение субъектов, причем не обязательно людей, а, возможно, и народов и даже государств, имеющих общие интересы или цели [Ожегов, 1985, 392, 649].

А. Хлебушкин, отмечая, что УК РФ использует понятие преступной организации синонимично понятию «преступное сообщество» (часть 4 ст. 35 УК РФ и ст. 210 УК РФ), обосновано указывает на отсутствие оснований считать террористическую или экстремистскую организацию преступным сообществом (организацией). Такой вывод базируется на том, что в диспозиции ст. 205.5 УК РФ такие обязательные признаки преступного сообщества (организации), как структурированность и пр., отсутствуют. В части 5 ст. 35 УК РФ ст. 205.5 УК РФ нет упоминания о террористической организации как виде преступного формирования, за создание и/или участие в которой наступает ответственность, предусмотренная специальными нормами Особенной части УК РФ [Хлебушкин, 2014, 69]. Также следует учесть, что применительно к террористической организации в диспозицию ст. 205.5 УК РФ законодатель не включил признаки объективной стороны – создание и руководство, несмотря на то, что они предусмотрены ст. ст. 205.4, 209, 210 и 282.1 УК РФ, касающихся соответствующих преступных объединений. Учитывая интенсивное совершенствование законодательства в сфере противодействия экстремизму и терроризму, следует обратить внимание на совершенствование понятийного аппарата [Куфлева, 2015, 90].

Оптимизация в данном случае становится очевидна и уже предложена В. Быковым и другими авторами, которые исходят из того, что в УК РФ достаточно оставить определение «преступная организация» [Быков, 2010, 18]. Что касается «сообщества», равно как и действия по его созданию, руководству, координации и участию, то его целесообразно оставить как квалифицирующий признак, влекущий ужесточение наказания. Такой подход логично обусловлен ростом степени опасности преступной интеграции, что расширяет сферы влияния и деятельности.

Вызывает недоумение указание в законе на цель преступных сообществ (организаций) – совершение исключительно тяжких или особо тяжких преступлений с целью извлечения финансовой либо иной материальной выгоды. Во-первых, инициация формирования преступной организации далеко не всегда обусловлена целеполаганием на совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, значительная часть такого рода групп эволюционирует к этой преступной деятельности. Во-вторых, значительная часть современных преступных сообществ действуют в экономической сфере (теневой экономике), где, как известно, большая часть преступлений не является тяжкими или особо тяжкими. И. Михеев указывает на то, что преступники не знают, какие преступления на текущий момент относятся к тяжким либо особо тяжким [Михеев, 2006, 55]. С этим сложно согласиться, так как одно из основных свойств организованной преступности это всегда хорошая информированность и информационное обеспечение.

Указание в законе признака «структурное подразделение преступного сообщества» породило в специализированной литературе дискуссию о применимости и адекватности признака структурированности. Часть авторов отождествляет данное подразделение с организованной группой, прямо указывая на криминальный характер функций подразделения. Судьи Верховного Суда РФ вполне допускают и легальную деятельность структурного подразделения в преступном сообществе, т. е. такая обособленная группа, по мнению В.М. Лебедева, может выполнять функции, которые «сами по себе, в отрыве от преступной деятельности сообщества, не образуют состава преступления» [Лебедев, 2005, 345].

Более адекватной представляется все же первая позиция. Здесь следует исходить из того, что деятельность структурного подразделения нельзя рассматривать в отрыве от деятельности преступного сообщества в целом. На практике, прежде всего, экстремистских и террористических организаций, хорошо видно, что успех их функционирования, в большей степени заключается в эффективной обеспечительной работе (вербовка, финансирование, информационная поддержка и т. п.).

Развивая тему ограничения анализируемых понятий, отметим, что действующий УК РФ, вместе со ст. 210, включает семь статей, предусматривающих ответственность за участие (деятельность) в разного рода организованных группах (ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 239, 282.1, 282.2). Такое «разнообразие» неизбежно актуализирует вопрос о конкуренции норм. В данном случае, дифференцируя организацию преступного сообщества или организации, равно как и участия в них, со смежными составами преступлений, необходимо, прежде всего, выявить их общие и особенные признаки. Здесь целесообразно обратить внимание, с одной стороны, на составы преступлений, предусмотренные ст. 210 УК РФ, а с другой стороны, – на предусмотренные статьями 205.4 и 205.5 УК РФ.

Дополняя в 2013 году УК РФ статьями 205.4 (организация террористического сообщества и участие в нем) и 205.5 (организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации), законодатель не принял во внимание положение

ст. 35 УК РФ, где указана цель преступного сообщества (организации) – извлечение в любой форме финансовой либо иной материальной выгоды. Эта норма, конечно, никак не соотносима с целью преступлений, предусмотренных в ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, так как террористические сообщества (организации) могут и не стремиться к материальной выгоде. По мнению В.И. Гладких, в действующей редакции ст. 205.4 УК РФ смешаны разные формы соучастия – организованной группы и преступного сообщества (организации). Так, например, понятие террористического сообщества наделено признаком устойчивости, относящимся к организованной группе. Здесь очевидно, что базовый признак преступного сообщества (организации) – это ее структурированность [Гладких, 2014, 24]. Отсутствует общность и в терминах. Так, в ст. 205.4 УК РФ речь идет о преступном сообществе, а далее – в ст. 205.5 УК РФ – уже о преступной организации. Признак структурности может присутствовать и в организованной группе. Исходя из этого, квалификация деяния по ст. 210 УК РФ лишь на базе критерия «структурированность» представляется не вполне обоснованной.

В данном случае в литературе сформировалась позиция, согласно которой основным критерием, определяющим преступные сообщества (организации), следует считать профессионализм членов такого сообщества, проявляющийся, как правило, при совершении преступлений. Таким образом, для членов преступного сообщества (организации) совершение преступлений является основной «профессиональной деятельностью», основным источником дохода, равно как и образом жизни и мышления [Быков, 2010, 18]. Этот подход традиционен и был в основных чертах разработан еще в советский период. Тогда в уголовно-правовой теории это рассматривалось как «совершение преступления в виде промысла» и было всесторонне разработано как теорией уголовного права, так и судебной практикой. При этом преступный промысел рассматривался как разновидность рецидива и фиксировался при систематическом занятии преступной деятельностью на протяжении продолжительного периода. Также деятельность виновного относилась к преступному промыслу, когда она была направлена на извлечение «нетрудовых доходов» или была основным либо дополнительным, но существенным источником средств существования виновного. Таким образом, теория советского уголовного права признавала преступный промысел как систематическое занятие преступной деятельностью и выводило это в виде устойчивой тенденции антиобщественного поведения, делая вывод об антиобщественной ориентации личности виновного [Караев, 1983, 66]. Сегодня понятие «преступного промысла» в значении профессиональной преступности, отсутствует в УК РФ. В связи с этим и с «профессиональным» подходом также сложно согласиться.

Состав части 4 ст. 210 УК РФ указывает на специальный субъект – лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. Характеристики такого лидера оценочны [Николаев, Расщупкина, 2012, 44]. Верховный Суд РФ указал на то, что лидерство такого лица в преступной иерархии показывают коррупционные связи или контакты с экстремистскими либо террористическими организациями и т. п. Важно, что суды, в приговорах должны

указывать, по каким из указанных признаков они пришли к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного частью 4 ст. 210 УК РФ (Постановление № 12 от 10.06.2010).

Корректное определение специальных субъектов (части 1 и 4 ст. 210 УК РФ), равно как доказывание их реального положения, требует знания механизмов формирования, а соответственно и учета сложившейся преступной иерархии. Здесь принято выделять «воров в законе» в качестве лидеров организованной преступности. Кроме того, необходимо учитывать и роль «положенцев», принимающих управленческие решения в отсутствие «вора в законе» и/или от его имени, а также «смотрящих», криминальных «чиновников по особым поручениям» [Долгова, 2003, 355]. Указанные лица выполняют функции координаторов преступных сообществ (организаций), а также их подразделений. Важно понимать различия, как в объеме «полномочий», так и, что важнее, в преступной «легитимизации» «авторитетов».

«Вор в законе» является выборной «должностью» и присваивается «сходкой» равных по статусу «воров в законе» пожизненно. В свою очередь, «положенцы», как и «смотрящие», относятся к назначаемому и, соответственно, сменяемому «ворами в законе» среднему звену преступного «менеджмента». На практике это видно на примере мест отбывания наказания в виде лишения свободы. Например, «смотрящий» за конкретным исправительным учреждением (если там нет «вора в законе» или его «положенца») с освобождением автоматически прекращает «полномочия». Исходя из этого, «положенцы», как и «смотрящие», могут быть отнесены к специальным субъектам, предусмотренным частью 1 ст. 210 УК РФ. В свою очередь, «воров в законе» следует отнести к специальным субъектам, предусмотренным частью 4 ст. 210 УК РФ [Белоцерковский, 2010, 9]. Понятно, что документально «криминальный статус» не фиксируется, «приказ о назначении» не издается и соответствующее «удостоверение» не вручается. В то же время, следует согласиться с Н.С. Рязановым в том, что, будучи именно организаторами, эти лица не скрывают своего статуса в криминальной среде и активно его обозначают. Это, однако, не означает необходимость доказывания наличия такого рода статуса. Как правило, он устанавливается при реализации задач оперативно-розыскной деятельности.

В данном аспекте полезно обратить внимание на оригинальную работу, где авторы, критикуя указания Верховного Суда РФ, данные в цитируемом выше постановлении Пленума от 10.06.2010 № 12 приводят три авторских критерия определения (отграничения) лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии [Григорьев, Морозов, 2014, 55]. При этом, однако, авторы не дифференцируют преступное сообщество и соответствующую организацию.

Дополнительным аргументом в пользу отграничения организованной группы от преступного сообщества является то, что в группе, лидер (организатор), как правило, сам принимает участие в преступлениях, для которых и формирует группу, а в преступном

сообществе лидер отделен от работы «в поле», он лишь руководит и организует. В случае, когда организатор (лидер) преступного сообщества все же участвует в преступлениях, его действия необходимо квалифицировать по части 1 ст. 210 УК РФ. При этом дополнительная квалификация по части 2 ст. 210 УК РФ не нужна.

При квалификации целесообразно акцентировать внимание на том, что создание преступного сообщества признается оконченным преступлением с момента завершения деятельности по организации, независимо от того, реализованы или нет планы преступления. Данный подход предполагает выделение организационного этапа преступной деятельности, на котором идет структурное оформление и подготовка к совершению преступлений. В то же время на практике обвинение в создании преступного сообщества предъявляется лишь когда в действиях виновных присутствует состав приготовления или покушения, а чаще всего и состав оконченного преступления [Агапов, 2005, 22].

Заключение

Для повышения эффективности правоприменительной практики целесообразно легализовать критерии, необходимые для квалификации деятельности преступных сообществ (организаций), не дополняя УК РФ какими-то дополнительными признаками, которые, как показывает опыт, абстрактны и пригодны исключительно в доктринальном плане, а обратным путем упрощения понятий. В частности, целесообразно в УК РФ оставить лишь понятие *преступной организации* как структурированного сообщества организованных групп, объединенных для совершения преступлений. Этот подход принципиально схож с мнением, уже выраженным в научной литературе [Агапов, 2005, 48].

Библиография

1. Агапов П.В. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой анализ и проблемы квалификации. Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2005. 114 с.
2. Белоцерковский С.Д. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9-14.
3. Быков В. Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность. 2010. № 2. С. 18.
4. Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. № 5. С. 34-38.
5. Григорьев Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30). С. 50-58.

6. Долгова А.И. Преступность, её организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003. 572 с.
7. Караев Т.Э. Повторность преступлений. М.: Юрид. литература, 1983. 104 с.
8. Куфлева В.Н. Вопросы разграничения организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) со смежными составами преступлений // Общество и право. 2015. № 1(51). С. 89-93.
9. Лебедев В.М. (ред.) Комментарий к Уголовному кодексу РФ. М.: Юрайт-Издат, 2005. 921 с.
10. Михеев И. Квалификация преступных деяний по ст. 210 УК РФ // Законность. 2006. № 10. С. 53-55.
11. Мордовец А. Преступное сообщество: уточнение условий ответственности // Законность. 2001. № 9. С. 41-42.
12. Николаев К.Д., Расщупкина О.Н. О субъекте преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ // Актуальные проблемы уголовно и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации. Омск: Омская юридическая академия, 2012. С. 43-48.
13. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нём (ней): постановление Пленума Верховного суда РФ от 10.06.2010 № 12 // Российская газета. 2010. 17 июня.
14. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1985. 797 с.
15. Рязанов Н.С. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ // Вестник ОмГУ. Сер. Право. 2014. № 1(38). С. 232-236.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
17. Хлебушкин А. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 2055 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2.

Criminal liability for a criminal organization and participation in it: problematic issues

Teimuraz V. Ketsba

Postgraduate,

Department of criminal law and criminology,

Lomonosov Moscow State University,

119991, 1 Leninskie gory, GSP-1, Moscow, Russian Federation;

e-mail: tim_ketsba@mail.ru

Abstract

The most relevant and discussed in the literature is the question of the differentiation of the concepts of criminal community and criminal organization, and issues of delimitation of their organization with related crimes. Based on the analyses of some articles of the Criminal code the author shows common and distinctive features of the crimes. Moreover, he suggests unification of norms about the criminal community. Due to the lack of certainty in defining criminal organizations and the use of the concepts "community" and "organization" as synonyms, it is proposed to differentiate between them, leaving the criminal law only an organization that is structured, created for a clearly defined purpose, planned, controllable and based on the foundations of the discipline. At the same time, the term "community" is more of a doctrinal concept, meaning a "loose" union of different actors with only common interests. The contradictions that arose when the Criminal Code of the Russian Federation was amended in 2013 are indicated when the legislator did not take into account the provisions of Art. 35 of the Criminal Code of the Russian Federation, which specifies the purpose of the criminal organization: the extraction of financial or other material benefit in any form, which is not correlated with the purpose of the crimes provided for in Art. 205.4 and Art. 205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation.

For citation

Ketsba T.V. (2017) Ugolovnaya otvetstvennost' za sozдание prestupnoi organizatsii i uchastie v nei: problemnye voprosy [Criminal liability for a criminal organization and participation in it: problematic issues]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 7 (3A), pp. 251-261.

Keywords

Criminal community, criminal organization, complicity, criminal hierarchy, thief in law, organized group.

References

1. Agapov P.V. (2005) *Organizatsiya prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii): ugolovno-pravovoi analiz i problemy kvalifikatsii* [Organization of criminal community (criminal organization): criminally-legal analysis and problems of qualification]. Saratov: Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2. Belotserkovskii S.D. (2010) *Novyi Federal'nyi zakon ob usilenii bor'by s prestupnymi soobshchestvami: kommentarii i problemy primeneniya* [New Federal Law on strengthening the struggle against criminal associations: commentary and problems of application]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2, pp. 9-14.

3. Bykov V. (2010) Organizatsiya prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) [Organization of the criminal community (criminal organization)]. *Zakonnost'* [Legality], 2, pp. 18.
4. Gladkikh V.I. (2014) Novye pravovye mekhanizmy protivodeistviya terrorizmu: kriticheskii analiz [New legal mechanisms for countering terrorism: a critical analysis]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 5, pp. 34-38.
5. Grigor'ev D.A., Morozov V.I. (2014) Kak opredelit' litso, zanimayushchee vysshee polozenie v prestupnoi ierarkhii? [How to determine the person occupying the highest position in the criminal hierarchy?]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal science and law enforcement practice], 4(30), pp. 50-58.
6. Dolgova A.I. (2003) *Prestupnost', ee organizovannost' i kriminal'noe obshchestvo* [Crime, its organization and criminal society]. Moscow: Russian Criminological Association.
7. Karaev T.E. (1983) *Povtornost' prestuplenii* [Repetition of crimes]. Moscow: Yurid. Literature Publ.
8. Khlebushkin A. (2014) Organizatsiya deyatelnosti terroristicheskoi organizatsii i uchastie v deyatelnosti takoi organizatsii (st. 2055 UK RF): ugolovno-pravovaya kharakteristika i kvalifikatsiya [Organization of the activities of a terrorist organization and participation in the activities of such an organization (Article 2055 of the Criminal Code of the Russian Federation): criminally-legal characteristics and qualifications]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2.
9. Kufleva V.N. (2015) Voprosy razgranicheniya organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) ili uchastiya v nem (nei) so smezhnymi sostavami prestuplenii [The issues of delineation of the organization of a criminal association (criminal organization) or participation in it (with it) with adjacent convictions]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 1(51), pp. 89-93.
10. Lebedev V.M. (ed.) (2005) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RF* [A commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Yurait-Izdat Publ.
11. Mikheev I. (2006) Kvalifikatsiya prestupnykh deyanii po st. 210 UK RF [Qualification of criminal acts under Art. 210 of the Criminal Code]. *Zakonnost'* [Legality], 10, pp. 53-55.
12. Mordovets A. (2001) Prestupnoe soobshchestvo: utochnenie uslovii otvetstvennosti [Criminal community: clarifying the conditions of responsibility]. *Zakonnost'* [Legality], 9, pp. 41-42.
13. Nikolaev K.D., Rasshchupkina O.N. (2012) O sub'ekte prestupleniya, predusmotrennogo ch. 4 st. 210 UK RF [On the subject of the crime provided for in Part 4 of Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy ugolovno i ugolovno-protsessual'noi politiki Rossiiskoi Federatsii* [Actual problems of the criminal and criminal procedural policy of the Russian Federation]. Omsk: Omsk Law Academy, pp. 43-48.
14. O sudebnoi praktike rassmotreniya ugolovnykh del ob organizatsii prestupnogo soobshchestva (prestupnoi organizatsii) ili uchastii v nem (nei): postanovlenie Plenuma Verkhovnogo suda RF ot 10.06.2010 № 12 [On the judicial practice of considering criminal cases on the organization of a criminal association (criminal organization) or participation in it: Resolution of the

---

Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 12 of June 10, 2010]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 17th June.

15. Ozhegov S.I. (1985) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk Publ.
16. Ryazanov N.S. (2014) Problemy kvalifikatsii prestuplenii po st. 210 UK RF [Problems of qualification of crimes under Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik OmGU. Ser. Pravo* [Bulletin of Omsk State University. Series Law], 1(38), pp. 232-236.
17. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 17.04.2017) [The Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996] (1996). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected legislation of the Russian Federation (Art.2954)], 25.